

Игорь Храмов-Тесёлкин

ИДЕ (И) ОКРАТИЯ

опыт анализа современной бесовщины

Игорь Храмов-Тесёлкин

**Иде(и)ократия. Опыт анализа
современной бесовщины**

«Издательские решения»

Храмов-Тесёлкин И.

Иде(и)ократия. Опыт анализа современной бесовщины /
И. Храмов-Тесёлкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963416-0

Говорят, что каждый писатель пишет ту книгу, которую сам бы хотел прочитать. И эта не исключение. В книгу вошли статьи и эссе разных лет, в которых автор пытался найти ответ на мучающие всех нас злободневные вопросы — и для себя, и читателя: о жизни, о власти, о судьбе России и её народа и том, что мешает всем нам жить.

ISBN 978-5-44-963416-0

© Храмов-Тесёлкин И.
© Издательские решения

Иде(и)ократия

Опыт анализа современной бесовщины

Игорь Храмов-Тесёлкин

© Игорь Храмов-Тесёлкин, 2019

ISBN 978-5-4496-3416-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Идеократия. Опыт анализа современной бесовщины.

Размышлизмы из неопубликованного.

Василий Розанов как-то писал: «Захочешь что-нибудь написать – сядешь и напишешь совсем другое.» Это точно. Несешь редактору. Морщится: «Знаешь, хорошо, но я от тебя хотел не этого.» Ясно, что не этого, но тогда бы точно не понравилось. Если нравится тебе – есть надежда, что понравится кому-то еще. Но если уж тебе не нравится... «Посжатей бы надо, покороче...» Как скажете. Хотите покороче? Пожалуйста.

* * *

Жизнь – это круто.

* * ****

Приходит молодой поэт в редакцию: «Я Вам стихи принес. Только вот у них название несколько необычное: «Эх, ... твою мать...».

Редактор: «Ну что ж, название хорошее. Ближе к народу. Вот только „эх“ уберите – цыганщиной отдаст.»

(Старый газетный анекдот)

***

«Умом Россию не понять, аршином общим не измерить». А в начале девяностых один из новорусских поэтов под восторженный вой нашей «демократической» интеллигенции выдал: «Давно пора, ****а мать, умом Россию понимать». Вот так до сих пор и понимают – через «****у мать».

Преимственность налицо. Как и результат.

***

Один знаменитый американский капиталист, уже нажив миллионы, сказал замечательную фразу: «Я предпочел бы скорее быть знаменитым оратором, чем знаменитым капиталистом». Кокетничанье претендующего на оригинальность денежного мешка? Наверяд ли. Скорее вывод умудренного жизнью человека, который, добившись успеха, понял: деньги – это еще не все. Как говорится, не хлебом единым...

***

Ничто не ценится людьми так, как способность влиять на сознание других. Поэтому хороший журналист – это гораздо больше, чем просто хороший политик. Хороший писатель – это больше, чем хороший капиталист и хороший политик, он оказывает неизмеримо большее влияние на нашу жизнь, чем хороший капиталист и хороший политик, вместе взятые, пусть оно

даже зачастую опосредствованное и не всегда сразу осознается. «Вначале было Слово». Все остальное – потом.

***

Чем отличается работа от службы? Работе мы отдаем часть своей жизни, службе – всего себя. Поэтому про священников, военных, деятелей науки и культуры говорят: они служат. Богу, Родине, науке, искусству. Впрочем, каждый по разному. Катастрофа начинается, когда служение высшим ценностям подменяется служением себе, любимому. Или группе лиц, принадлежность к которой выдается за идеал служения некоей высшей цели.

***

Помните, как в мультфильме «Котенок по имени Гав» котенок и щенок изобрели свой, особый язык, страшно секретный и никому, кроме них, непонятный?

Карэлайн Ван дер Брулл, долгие годы проработавшая телередактором и продюсером научно-популярных программ, на вопрос о том, почему многие научные работы пишутся таким маловразумительным языком, отвечала так: «Чтобы сказать: «Я полноправный член этого клуба. Я могу пользоваться его жаргоном, принимаю существующие правила и вот вам мой маленький вклад в нашу область».

Кроме того, здесь существует и другой аспект проблемы: «Ученые создали самодостаточную культуру, в которой единственная необходимая им коммуникация – это общение друг с другом».

***

Наука ради науки, искусство ради искусства, театр ради актеров. Потом начнутся разговоры о специфике восприятия и художественной субкультуре, тогда как суть можно выразить гораздо короче: стая.

****

Впрочем, не стоит думать, что создание своего, особого языка является прерогативой исключительно ученых мужей. Так, например, писатель Виктор Шкловский в своей статье «О заумном языке», являющейся, – как пишет итальянский исследователь русского литературного авангарда профессор Марио Марцадури, – фундаментальной для истории формализма и научного футуризма, пишет: «заумный язык – это умный язык... Я думаю, что мы так и не смогли его разгадать. Выучить его трудно. Но понять надо». (Цитат по «Независимая газета» 27.11. 98.) Почему Вы взяли на себя труд решать, что мне надо, г-н Шкловский?

***

«...Прежде всего – это не язык бессмысленный. Даже когда он намеренно лишился смысла, он был своеобразной формой отрицания мира. В этом он чем-то близок «театру абсурда». (Там же.)

А вот это уже очень знакомо. «Мы этот мир разрушим». Действительно – «до основанья». Опять-таки: вначале, как известно, было Слово.

****

«И Хлебников говорил мне, что поэзия выше слова. « (Там же.) А мне вспоминаются в связи с этим слова Василия Селюнина: «Человек выше сытости! Да ляпнуть такое мог только дурак, который голода не знал!» «И пошлю на землю голод... Не голод хлеба и мяса, но голод слышания Слова Божия.» (Амос 8—11). Похоже, такого рода голода они действительно не знают. Что им Слово Божие, когда они даже язык творят по образу своему и подобию. Вот уж поистине, «пес возвращается на свою блевотину».

****

«Заумь существовала в языке, в поэзии, в человеческой культуре всегда. В моей книге много подобных примеров ее из языков сектантов, из детского фольклора... И сейчас ученые, занимающиеся изучением языка хлыстовских радений (чем только, оказывается, наши ученые не занимаются И.Т.) обнаружили, что он имеет санскритские корни. И задолго до этого

мне говорил Евгений Дмитриевич Поливанов, что в языке сектантов часто обнаруживаются слова другого, исторически родственного языка... Язык предсказаний часто темен и непонятен. Шаман, который крутится, ища вдохновения, хлысты, чувствующие его приближение, кричащие: «Накатил! Накатил!» – они говорят на иных языках. И я не могу понять, все кручусь, кручусь и говорю, кажется, невнятно и путано. « (Там же.)

*****

Да уж куда как понятно. То, что в вашем языке без бесовщинки не обошлось – давно было ясно, и все же такое саморазоблачение дорогого стоит. Господа поэты и художники, готовые обожествлять всякое проявление вдохновения, и испытывающие «чувство, близкое к оргазму» при его проявлении, вам не хотелось бы задуматься о природе сего феномена?

***

«В Библии рассказывается, как апостолов посетил Святой Дух, и они вдруг заговорили на разных языках. Поэзия разноязычна.»

Ну, это нам тоже знакомо. Поэзия разноязычна, а святые всех религий пожимают друг другу руки на небесах, так что нам что ислам, что буддизм с Православием, что Дух Святой, что просто дух – все едино.

***

«Футуризм – это бунт, восстание против письменной культуры». (Там же).

Что ж, и это самопризнание знаменательно. Любопытно, что футуризм, по словам его защитников – бунт против письменной культуры (как будто бывает другая культура. Наше поколение молодых людей, воспитанных на «видюшниках», прекрасно это доказало), то есть культуры как таковой. Первым бунтовщиком, как известно, был Денница, возмечтавший стать равным Богу. Если культура – от слова «культ», то тогда все справедливо.

Впрочем, достаточно часто бунт бывает не восстанием против несправедливости, а способом выражения неудовлетворенных амбиций. Хотя второе почти всегда пытается прикрыться личиной первого.

***

Западные ученые пришли к любопытному выводу: абсолютное большинство современных людей психологически больны и эту болезнь можно обозначить приблизительно так: отсутствие любви и признания. В принципе ей в той или иной степени подвержены все: одинокие люди, больные и престарелые, но особенно – люди, испытывавшие бремя славы и забытые, вышедшие, как говорится, «в тираж».

Журналисты и бизнесмены, политики и артисты – эти большие дети с ущемленным самолюбием лишены привычной среды обитания, они впадают в депрессию, становятся алкоголиками и наркоманами.

****

Жажда славы, по сути, та же похоть. Самоутверждение через славу и общественное признание так же щекочет самолюбие и до бесконечности разжигает его, как физический контакт – эрогенные зоны. Человек, хоть раз испытавший вкус славы, это волнующее чувство власти над толпой (как обладание покорным женским телом), уже не в силах от этого отказаться. Это как наркотик. Вот и продолжается эта гонка за славой – лишь бы удержаться на гребне волны и не выпасть из обоймы.

****

Что же делать, если умные мысли в голову не идут, а логика успеха требует очередной порции внимания публики? В ход идет эпатаж. В литературе рождается Эдичка Лимонов, в журналистике – Ярослав Могутин, в науке, например истории – Анатолий Марченко и Гарри Каспаров, в политике – Валерия Новодворская... Всех вышеперечисленных персонажей отличает одна общая черта – они страсть как боятся банальности. «Красота» идеи (читай – возможность привлечь внимание публики) заменяет ее реальную ценность. Сразить почтенную пуб-

лику наповал, если не новизной идеи, то ее «крутизной» (очень точное словечко), чтобы мозги пораженного обывателя повернулись набекрень (если они были, конечно). А уж вбив себе в башку новую идею, пораженный обыватель несет ее дальше - другому обывателю: «Вы слышали? (Читали? Смотрели?)». Типичная модель человека, научившегося читать, но не научившегося думать, меняющего свои взгляды после первой же прочитанной книги, а то и газетной статьи – до следующей «идеи». «Что ему книга последняя скажет...» Так рождается «общественное мнение».

***

Образованщина. Стая. Идеократия. Точнее даже так – иде (и) ократия: власть идеологов крайнего толка или власть идиотов – не столь суть важно, ибо и то и другое – явление одного порядка.

****

Болезненная страсть к самовыражению и самоутверждению. Любовь к абстрактным построениям и схемам, заменяющим привычный рутинный распорядок жизни и крайний максимализм в претворении этих схем в жизнь. Страсть к разрушению существующего мира, неспособного воспринять благодать свалившейся на него новой идеи. Воинствующая нетерпимость к любым, хоть в чем-то отличным от общепринятой идеи взглядам и мировоззрению – таковы основные психологические черты этой породы.

****

Они готовы поднять на щит самую сумасбродную идею и защищать самую сумасшедшую мысль, лишь бы она, послужив неким подобием идеологического прикрытия, позволила сбиться в кучу и кричать: «Долой!» А затем: «Даешь!». Долой – это, конечно, ретроградов и консерваторов, не дающих утвердиться новой передовой и прогрессивной идее, а даешь – это когда идея находит отклик и обещает принести моральные, политические или сугубо материальные дивиденды.

***

Идеократия страшна тем, что для нее идеал гораздо важнее окружающей действительности. Взяв за идеал красивую идею переустройства окружающей жизни, она апеллирует уже не к рассудку человека, а к его эмоциям и тогда уже не признает нюансов и полутонов и воинствующе кроит мир по образу своему и подобию: либо рынок, либо диктатура, либо горячий сторонник, либо столь же оголтелый противник, либо активная, не допускающая никакой критики, поддержка, либо столь же активное противодействие.

****

Основные черты этой (увы, преобладающей) породы породы интеллектуалов давно общеизвестны. Агрессивность. Непрофессионализм и может отсюда – страсть к общественной деятельности. Соблазн простых решений, способных сразу, вдруг что-то круто изменить. Реформаторский зуд. Страстное желание менять все вокруг при абсолютном нежелании менять что-либо в себе.

****

Проявления этой породы многообразны: экономика и политика, наука и культура, искусство и религия. Но если в некоторых областях проявление подобных тенденций уравнивается самим течением общественной жизни и потому хотя бы относительно терпимо, то в области духовной оно поистине разрушительно.

***

Игорь Шафаревич видит в этом одну из форм некрофилии – ненависть к жизни создателей подобных идей и страсти к смерти и разрушению. «Ничто, которое ничтожит».

На мой взгляд, не совсем так. Точнее – не всегда так. Не ненависть идеологов к жизни, а обида на нее за то, что в ней не нашлось достойного (на их взгляд) места, применения их

способностям и талантам. Не ненависть к жизни, а элементарная гордыня – вот что лежит в основе большинства идей, стремящихся переделать мир по образу своему и подобию.

****

Наиболее ярким и уж безусловно самым известным представителем этой породы является Валерия Новодворская.

В принципе, взгляды Валерии Ильиничны ничего нового из себя не представляют – приблизительно с таким же пылом рассуждают десятиклассники на уроках обществоведения, но... Когда такое говорит пятнадцатилетний – это просительно и вообще-то понятно, но когда подобную систему ценностей с тем же азартом защищает сорокалетний – это уже страшно.

***

Страшно не за авторов идей – они в большинстве своем, вдоволь покуражившись и нажив на своем кураже изрядный политический капитал, рано или поздно занимают удобное место в системе, столь нещадно ими охаиваемой, а потому, что неизбежно найдутся последователи. У самой сумасбродной идеи найдутся последователи. И чем она сумасброднее – тем скорее они найдутся.

Я сам читал, как одна довольно популярная журналистка – поклонница Новодворской патетически восклицала: «Лера, простите меня!» За что? Оказывается, за то, что не была с ней на баррикадах и не сидела в милицеевских участках. Этакая извечная тоска по баррикадам.

***

И вот уже в ход идет такой прием, как интеллектуальный шантаж: любой противник или даже просто сомневающийся немедленно зачисляется в разряд ретроградов, абсолютно неспособных к принятию истины, недостойных того, чтобы вести с ними цивилизованную полемику: «Ну какой разумный человек станет сомневаться в том, что Малевич оказал неопределимое влияние на развитие русской культуры?» «Всему цивилизованному миру известно, что экономика управляется только рыночными механизмами – для пагубно любое административное вмешательство». «Сексуальная свобода человека – один из основных признаков цивилизованного общества, так что запрет на однополые браки безусловно свидетельствует о тоталитарности общественного сознания». «Кажется, все согласны, что Лимонов – великий русский писатель» и т. д. и т. п.

***

Самое комичное то, что нынешние адепты «единственно верных» идей пришли к власти (а СМИ, что ни говори, власть. И какая!) под лозунгом борьбы с тоталитарным сознанием. В результате плановая анархия сменилась у нас псевдорыночным беспределом, приверженность т. н. «общечеловеческим ценностям» – безусловным и беспредельным «патриотизмом» самого дурного толка... может, потому, что поклонники демократии стали вдруг «истинно православными», равно как защитники сексуальных меньшинств и поборники всеобщей терпимости к инакомыслящим – учителями патриотизма? Может, потому и не получается у нас золотой середины?

***

Впрочем, неудивительно – для того, чтобы утвердить новую систему взглядов, нужно как минимум разрушить утвердившиеся стереотипы. «До основания».

****

Сколько кистей и ручек было в сове время сломано по поводу знаменитого «Черного квадрата» Казимира Малевича, ныне считающегося классикой авангарда. А вот что говорил по поводу своего творения сам автор (за точность цитаты не ручаюсь, поскольку опять-таки воспроизвожу по памяти, но смысл примерно такой): черный квадрат – символ нового нарождающегося искусства. Старое искусство умерло – вместе со старым миром, и задача художника сегодня – не отобразить мир, а конструировать (чуть было не написал – кастрировать) его.

Черный квадрат, таким образом, по замыслу автора, икона нового искусства, утверждающего реалии нового бытия.

****

Рассуждение до боли знакомое – старое должно посторониться, уступив место новому. Пушкина придется если и не выбросить с корабля современности, то по крайней мере придать ему более благообразные черты, соответствующие духу времени: «А вот ямб ваш картавый, Александр Сергеевич, придется оставить...» Знал бы сам Казимир Малевич, что скажут по поводу его творчества в столь страстно ожидаемом им новом мире...

****

Вообще за самой идеей авангарда стоит не что иное, как желание упростить мир, свести существование бытия или его отрицания до значения какого-либо символа. Не случайно начало нашего века, а также послереволюционные годы – период ожидания апокалиптических событий, призванных в корне изменить само бытие человечества: мировой революции, лекарства от старости, начала коммунизма – конкретной даты, кончающей со старой историей и открывающей дверь в новое...

***

Цель на первый взгляд благая – выйти за рамки обыденного и рутинного, то есть то, к чему, как нас всегда учили, и должно стремиться всякое настоящее искусство.

Должно ли? Это кто же стремился выйти за рамки обыденного – Пушкин? Толстой? Достоевский? Чехов в «Трех сестрах» и «Вишневом саде»? Вроде так, да не совсем. Они изображали душу человеческую, страдающую и стремящуюся вырваться за рамки обыденного – а это, как известно, явление вполне обыденное. Когда же на пьедестал – даже из лучших побуждений – ставят собственную душу, страдающую от несовершенств этого мира, неспособного предоставить ей, грешной, достойного ее страданий места – это приводит к несколько иному результату.

***

Формула жизни на проверку оказывается формулой смерти. Не зря один мудрый человек в свое время сказал, что жизнь кажется простой только дуракам.

Мы так привыкли говорить «дерзкий человеческий ум» и подразумевать под этим несомненное благо. А всегда ли – благо?

*****

«Всякий дар совершенный сходит свыше» и «человек не хозяин таланта, а его проводник». Забыв это, рискуешь не только проснуться бездарным, но и что еще страшнее – подключиться к другому источнику и заставить свой дар работать на саморазрушение, даже не заметив этого. Можно, конечно, раззять музыку, как труп, а вот сконструировать...

Много было ожиданий по этому поводу, но что-то до сих пор не слышно, чтобы компьютер сочинил «Лебединое озеро». И дело даже не в сложности – любой музыкант объяснит вам, что «Полонез Огинского» – довольно простая и даже примитивная, с детства надоевшая мелодия, а знаменитый «Танец маленьких лебедей» – просто музыкальная фраза, состоящая буквально из нескольких гамм. Так что дело, видимо, все-таки в чем-то другом...

****

Один из критиков авангарда приводил блестящий пример несостоятельности самих потуг на «новое прочтение» давно известных символов.

В древнекитайской мифологии был такой персонаж, как Белый Дракон. Подразумевалось, что он настолько ужасен, что человеческая фантазия просто бессильна его представить. Поэтому он просто изображался в виде белого квадрата. Чем не предтеча авангарда? Только автор белого квадрата, несмотря на весь ужас перед собственным творением, отнюдь не претендовал на то, чтобы его детищу приносили такие жертвы, каких требовал для своего создания Казимир Малевич.

****

Старая истина в который раз подтверждается: все новое – не более чем хорошо забытое старое. Не случайно сегодня так называемый «русский авангард» (явление, повторюсь, крайне сложное и неоднозначное) не пользуется уже таким спросом на западном рынке: он перестал быть символом свободы, рвущейся из-под глыб тоталитарного общества, и стал никому неинтересен, кроме узкого (крайне узкого) круга лиц, кормящихся на этом.

Но и они вынуждены перестраиваться – спрос диктует... И вот уже новые (зачастую довольно гнусные) пророки свободы творчества потянулись в наше Отечество. А критики, журналисты и прочая пишущая братия, объясняющая, что хотел (или не хотел) сказать художник в своем произведении, дружно заудивлялись: ну надо же, а на Западе опять пользуется спросом совсем другое. И как это мы опять опоздали...

При этом само собой подразумевается, что есть более совершенная модель общественного сознания, на которую мы все безусловно должны ориентироваться...

***

Запад – это рынок, тщательно, хотя и зачастую довольно скрытно регулируемый. А на рынке, как известно, пользуется спросом то, что приносит деньги. А категория товара имеет к свободе творчества самое отдаленное отношение.

Впрочем, рынок – это еще неплохо, поскольку сугубо материальные экономические категории имеют свойство рано или поздно все расставлять по своим местам. Гораздо страшнее, когда успех, а то и развитие культуры в целом определяет кучка высоколобых интеллектуалов, сделавших дегустирование и оценку предметов искусства своей профессией и в силу этого искренне убежденных, что именно они призваны решать, что достойно, а что недостойно именоваться искусством. Я говорю о сложившемся в наше время институте (именно институте) искусствоведов, или экспертов.

***

«Эксперт искренне убежден, что разбирается в живописи гораздо лучше, чем какой-то там необразованный художник, – откровенничает в интервью газете «Сегодня» художник Эрик Булатов. «Он может манипулировать его действиями, поднимать живописца на пьедестал и низвергать с него, расставлять живописцев по порядковым номерам и полочкам – словом, командовать искусством. Я читал замечательное письмо некоей дамы – куратора музея в Гренобле, которая восхищалась действиями экспертов, полагая, что в 21 веке они будут одновременно и художниками. Не подумайте, что они сами будут возиться с красками – просто те, кого раньше называли художниками, превратятся в авторов их бесценных указаний. А авторство будет принадлежать им, экспертам, что по мнению этой энтузиастки совершенно правильно и справедливо.»

****

Культура становится совершенно автономной и работает сама на себя: зритель из этого процесса начисто исключен (Эрик Булатов цитирует слова одного из владельцев картинной галереи: «Зачем мне зритель? Он только полы пачкает») – он не только не нужен, но и нежелателен, так как его дилетантские суждения только портят сложившуюся и утвердившуюся (хотя уж точнее – утвержденную) систему оценок. Вековая мечта поэта осуществилась – он освобожден от власти толпы. Только стал ли он этого свободнее?

***

Впрочем, институт экспертов можно если не обосновать, то хотя бы объяснить, когда речь идет об искусстве элитарном. Когда же речь идет об искусстве массовом, монополия поистине губительна. Сегодня положение дел на эстраде определяют люди, количество которых фактически не превышает число пальцев на одной руке. К чему это привело, мы все хорошо видим.

****

Один мудрый человек по доброте душевной посоветовал: хочешь стать оригинальным писателем? Садись и пиши все, что приходит в голову. Некоторые из прозаиков приняли этот совет настолько буквально, что их произведения более напоминают черновую запись добросовестной стенографистки. Этакая литературная медитация: «тихо сам с собою я веду беседу».

***

При этом само собой подразумевается, что каждая пришедшая в голову автору мысль драгоценна и безусловно достойна запечатления. И вот автор гонится за ними, как мальчишка с сачком, готовый всех бабочек подряд запихать в свою коллекцию. Потрясающе: зачастую даже знаки препинания не ставятся – дескать, извольте убедиться, чистота эксперимента соблюдена, все как положено... А что читатель, спотыкаясь сквозь бурелом авторских мыслей, зачастую забывает о начале авторской фразы, не дочитав и до середины – помилуйте, кто же в наше время думает о читателе в ущерб драгоценной свободе самовыражения?

***

Остановиться и осмыслить прочитанное здесь попросту невозможно, не дойдя до конца последней фразы. Этаким интеллектуально-эстетический вампиризм. Попробуйте, например, почитать Даниила Андреева, Блаватскую или того же Пелевина. Как выражается молодежь, «крыша едет». А потом, отложив журнал в сторону, мучительно ломаешь голову: что же все-таки автор хотел этим сказать?

Психиатры даже термин придумали: депрессивное письмо. Графомания – один из симптомов если не болезни, то по крайней мере определенного духовного состояния.

***

Ну да Бог с ними, с писателями, им вроде как положено писать то, что в голову взбредет. Но наше время породило и газетный авангард – нечто доселе невиданное.

– Кончилось время, когда газеты гнались за тиражом, – заявил мне один из мэтров местной журналистики. Сегодня тенденция иная – каждая газета прорсчитывает для себя оптимальный тираж, по которому и работает.

– И кто этот тираж определяет?

– Тот, кто в ней работает.

Ой ли? Честнее будет сказать – тот, кто дает деньги. Что ж, это удобно. Тем более что абсолютное большинство изданий себя абсолютно не окупают, и выход газеты целиком зависит от величины кошелька спонсора или учредителя. Ну а журналисты – те сами что-то там ковыряются: сами пишут. Сами читают. Сами себя ругают или хвалят... Без оглядки на почтенную публику.

Этакий газетный андерграунд со столь же причудливым языком, круто замешанным на тусовочном жаргоне и изобилующем иностранными словами и специальными терминами (истеблишмент, маргиналы, стебаться и т.п.), Можно при этом даже соорудить солидную мину: мы, дескать, для людей с интеллигентным выражением лица и изобразить рядом с заголовком профиль Пушкина -как, без ложной скромности, поступила в свое время одна из местных газет.

***

Все эти броские жесты, изрядно папахивающие юродством – не более чем средство привлечь к себе внимание. Ведь после того, как ты о себе заявил, требуется, чтобы тебя услышали. Требуется признание. Требуется слава. И гордые фразы типа: «Я делаю картины (книги, фильмы) для себя и узкого круга моих друзей» – не более чем эпатаж, призванный скрыть истинное положение вещей. Желание самоутверждения – при абсолютном нежелании хоть чем-то для этого поступиться, пожертвовать частичкой своего драгоценного «я». Жажда славы – при этом возможно более легкой ценой.

***

Помните, как в одном из перестроечных художественных фильмов слегка обрюзгий, но все еще изящно-вальяжный штирлиц поучает свою жену – неведомо как попавшую в эти хоромы потомственную пролетарку: «В разговоре с прислугой не принято говорить „спасибо“. Достаточно ограничиться словом „благодарю“. Это помогает сохранить необходимую дистанцию».

Это точно. Стрельнет у тебя на улице иной молодой человек сигаретку, стяхнет этак на тебя по барски «благодарю» и кинет взгляд сверху вниз: каков, мол, я? В своих глазах, скорее всего, он безусловно выглядит оригинальным и самобытным. И не задумывается о том, что даже доброе слово, небрежно брошенное, теряет изначально заложенную в нем теплоту, становится сухим и хрустящим, самодовольным и высокомерным. Как тот, кто его столь небрежно кидает. Не говоря уже о том, что зачастую искажается или полностью теряется первоначально заложенный в слове смысл.

Разрушению привычного уклада жизни предшествует разрушение духа. И слово – прекрасный показатель того, насколько далеко этот процесс зашел.

«Прости Христа ради», – говорили наши предки, пытаясь загладить свою вину. Не жалели, значит, слов, стараясь искупить невинный, быть может, грех. С Богом-то примириться легче, чем с ближним. В храмах постоянные прихожане, кстати, говорят так до сих пор.

А в начале века нынешнего (увы – уже прошлого), в людской суете, толчее маевок и политических митингов родилось короткое, ни к чему не обязывающее словечко «извиняюсь». Абсурдна сама этимология этого слова. Уж если ты, как утверждаешь, «извиняешь себя», то мне-то на кой лад это знать?

***

Сегодня, когда образ жизни полностью определяет тусовка, стало модным манерно-гламурненькое, пошловато-театральненькое словечко «волнительно», от которого так и веет дешевыми презентациями и плохой актерской школой, не сумевшей привить уважение к великому и могучему языку. Я сперва кипятился и тихо матерился, глядя в телевизор: ну не по русски же это, мать вашу! Потом смирился и даже обрел в этом выражении свой глубокий смысл. Теперь я понимаю: волнующе – это то, что выше пояса. Волнительно – то, что ниже. Попробуйте сами – убедитесь: тогда все встает на свои места.

****

Самое страшное – эти люди рано или поздно добьются своего. Не сомневаюсь, что словечко «волнительно» коробит не только меня. Наверняка нашим так называемым «звездам» говорили об этом и ранее. Однако они с упорством, достойным лучшего применения, продолжают использовать это пошловатенькое и глупое слово. Дескать, а нам нравится так, и все тут. И добьются: оно-таки войдет в словари и станет общеупотребительным. Язык, повторюсь, живой организм, и его можно не только воспитать и уцеломудрить, но и искоhabitить и изуродовать. Переделать под себя, короче.

***

Впрочем, что говорить о пошлости, когда даже об элементарной грамотности-то говорить не приходится. Уже который год на общегосударственном и, увы, ныне самом интеллигентном радио России постоянно, уже на протяжении многих лет, говорят: «столько-то часов «по Москве». Я – по наивности – долго ждал, когда этого человека наконец-то уволят. Сегодня так говорит уже далеко не один... Когда же обратил на это внимание одного известного московского журналиста, он сразил меня вопросом: «А как правильно?» Как в старом анекдоте: таблетка от головы или для головы?

***

«Ум рождает слова и через них изводит и являет вне желания души.» (преп. Симеон Новый Богослов). «Что человек в делах – то душа в словах».

Хотя, конечно, при этом очень важно, что каждый человек имеет в виду под тем или иным словом. Как говорится – буквально.

***

Семейное застолье. В разгаре шумной беседы ко мне обращается трехлетняя племянница: «Дядя, давай с тобой трахнемся.»

– !!!??...

Моментально – тишина за столом. Хорошо, что мама – мягкая, интеллигентная женщина – тихо интересуется у ребенка, что она, собственно, имеет в виду.

– Ну вот, как дяди в «Городке» (как выяснилось, имелась в виду телевизионная передача) – друг друга лбами – бум!

...Ну да. Нам, как, наверное, и вам сейчас, тоже стало стыдно. Оказывается, ребенок имел в виду слово в его традиционном значении – стукаться, ударяться обо что-либо. А Вы что подумали?

...Теперь девочка изрядно подросла, учится в седьмом классе и знает, что слово «трахаться» может иметь гораздо менее пристойное понимание. И тоже, как вы догадываетесь, благодаря телевизору.

***

Так что слова от частого употребления не только «ветшают, как платье», но и могут, как видим, приобретать совершенно иной, зачастую – совершенно противоположный смысл. Например, то самое знаменитое слово из трех букв, с которым все так привыкли ассоциировать русских, первоначально имело несколько иное значение. Во первых, это не существительное, как мы привыкли думать, а глагол.

Вспомните, как на старорусском звучало слово «прятать»? Ховать. Отсюда, кстати, украинское «хованщина» – место, где прятались беглые крепостные. «С Дону выдачи нет.» Отсюда – его форма в повелительном наклонении: ковать – куй, ховать – ...ну да. То самое слово. Портки тогда носили попроще, ширинка не застегивалась, так что когда наши предки резко произносили это резкое, как удар хлыста, слово, они всего лишь хотели предупредить: «Спрячь!». Само слово, как мы видим, достаточно скромное и говорит об изначальном целомудрии русского народа.

***

Это сколько же поколений, глумливо пишущих на заборе, должно было смениться, чтобы слово приобрело столь похабное звучание. Вы не замечали, что слово «трахаться» стали употреблять исключительно в негативном контексте? Так же, как когда-то «блудить» – аналог современного «гулять».

***

Существует интересный феномен: воцерковляясь, даже интеллигентный человек с гуманитарным образованием вынужден пересматривать свое мировоззрение. Вернее, это происходит само собой, под влиянием языка, в котором привычные, с зачастую детства знакомые слова имеют совершенно другое, зачастую противоположное по смыслу значение...

Примеров – масса. «Прелесть», например, по старорусски значит —«ложь, обман», а глумиться значит – «размышлять».

Нет, это не язык, это мы становимся все более и более похабными, и это неизбежно отражается в языке, когда вполне нейтральные и даже целомудренные поначалу слова приобретают опошленное содержание.

****

Вы заметили, что сегодня практически все наши политики и идеологи говорят «в Украине». Тогда как по всем правилам русского языка в этом случае положено употреблять предлог «на».

Это только на первый взгляд разница несущественная. На самом деле смысл кардинально меняется. «На Украине» значит – на окраине Руси. «В» – это значит в другой стране. Которая, кроме границы и газовой трубы, ничего общего с Россией, оказывается, не имеет.

***

Подумать только – такая маленькая часть речи, а дает повод говорить об идеологической диверсии! Впрочем, если б дело было только в предлоге...

***

На Руси довольно долго не рассматривали южнороссийский говор как самобытный (или, говоря по ихнему, самостийный) язык. Я никак не хочу обидеть представителей братского народа, но сам термин «украинский язык» появился не ранее 18 века. Во всяком случае, ранее он в русской литературе не употреблялся. До этого «украинску мову» определяли именно как диалект, и здесь русский термин «говор» будет значительно ближе по смыслу. Английские диалекты, например, различаются между собой гораздо больше, чем русский и украинский. Я уже не говорю про американский. Который, как считают некоторые языковеды, даже и языком-то называть неудобно – только жаргоном.

***

Если же и говорили о своеобразии украинского языка, то больше в качестве «прикола». Знаете, например, как звучит на мове гордый лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»? «Голодранцы усих краин, гоп до кучи!». А ария князя Игоря? «Паду ли я, дрючком пропханый, аль мимо прошкворчае вин...»

***

Помните эти заключительные трагические строки «Тараса Бульбы», когда Тараса жгут на костре: «Но есть ли в мире такая сила, которая может переломить русскую силу!». В современной «самостийной» редакции само слово «русский» исчезло из бессмертного произведения Гоголя напроць и заменено словом «украинский».

***

А еще самостийные академики до недавнего времени вели активную работу по переводу украинской мовы на латинское письмо- с целью наилучшего «вхождения России в русло мировой цивилизации». Нельзя сказать, чтобы здесь они были первыми – аналогичные попытки принимались и в других бывших республиках Советского Союза.

Например, в Татарстане. Против выступила практически вся татарская общественность, причем не только живущая в республике, и попытка с треском провалилась. А вот в постсоветской Молдове демократические тенденции победили, и сегодня вчерашние молдаване живут практически в другой стране. Потому что отныне Ион Друце и прочая советская классика – это, оказывается, часть другой, более общей румынской культуры.

*****

Любопытный факт: всегда, когда происходил объединительный процесс, это способствовало консолидации русского языка и преобладанию в нем консервативных тенденций, будь это период объединения Киевской Руси или становление Советской империи при товарище Сталине. А беды, столь обильно выпадавшие на долю славянских народов, приводили к ломке привычных, в том числе и языковых устоев. Монголо-татарское иго, значительно менее затрунувшее южные районы Руси, положило начало разделению древнерусского языка на великорусский, белорусский и украинский говоры, а захват Малороссии Речью Посполитой – разделению Украины на Западную и Восточную. Приблизительно те же процессы мы наблюдаем сегодня.

Как отразилось на населении бывших республик «процесс вхождения в мировую цивилизацию» – можно судить хотя бы по программам новостей.

***

В плане рационализации письма и перевода его на латиницу наши демократы тоже отнюдь не первые. Аналогичные процессы происходили в Японии в период ее оккупации американской армией. Именно этот опыт приводили в пример наши «демократы», когда говорили о необходимости реформы русского языка.

***

В период ее обсуждения достаточно показательной была статья заместителя директора института востоковедения РАН Владимира Элпатова с характерным названием «Кто сопротивляется реформе», опубликованная в «Независимой газете» за 27.11.98. В ней наиболее ярко была представлена позиция реформаторов русского языка. Позвольте цитату.

«Были страны, где история орфографии похожа на нашу. Такова Япония. До второй мировой войны там была принята орфография, основанная на орфографии старого письменного языка, японского аналога церковнославянского... В период американской оккупации в 1946 году в числе прочих мер по демократизации прошла и орфографическая реформа... Изменено было и написание многих слов, в результате став более регулярным и совпав в большей степени с произношением. Все как у нас в 1917 – 1918 годах! Безусловно, рационализация японской орфографии входила в число мер, направленных на сближение с западной культурой. Оккупационная администрация рассматривала ее как первый шаг на пути латинизации японского письма. Но ведь и у нас в двадцатые годы единственный раз ставили вопрос о переводе русского языка на латинское письмо, а Яковлев (тот самый, воинствующий безбожник, написавший „Библию для верующих и неверующих“, вернее – слизавший ее у Лео Таксиля, и столь страстно боровшийся в засильем великодержавного шовинизма в русской культуре И.Т.) разработал проект, но в обоих случаях „фундамент культуры“ оказался слишком прочен».

Конец цитаты.

***

Попробуем все-таки разобраться, насколько действительно нужны реформы тем, кого так хотят реформировать.

Оставим на совести автора полемический задор, а также сокрушение по поводу неудачи реформы и даже сами слова «фундамент культуры» ставящего в двусмысленные кавычки. Отметим другое. Далее Владимир Алпатов делает любопытное признание: «Любая рационализация письма выгодна, прежде всего, тем, кто только учится читать и писать...».

Благодаря этому «рационализация» письма превращается в его стандартизацию и унификацию. Любопытно также то, что в обоих случаях инициатива исходит не из среды народной интеллигенции, а от оккупационных властей. Или чиновников от идеологии – будто то специалисты из большевистского наркомпроса или американской оккупационной администрации.

И в том и другом случае в качестве главного шага реформы вводится чужеродное латинское письмо, что должно послужить, по замыслу реформаторов, «сближению с западной культурой». И одновременно – забвению культуры собственной. Приблизительно тоже, что начало происходить у нас после распада Советского Союза.

***

Что же касается упрощения... В годы правления Никиты Сергеевича Хрущева была предпринята самая радикальная попытка по реформированию русского языка. Так что товарищ Хрущев известен не только как величайший реформатор в области жилищно-коммунального и сельского хозяйства – успел он отметиться и в области языкознания.

В шестидесятые годы пытались применить правила орфографии, сводившаяся, в сущности, к одному: написанию слова так, как оно слышится: «малако», «агурцы». Казалось бы – чего проще?

***

Однако так называемая «реформа» встретила такое ожесточенное сопротивление, причем не в академической среде – среди университетской профессуры, а в самом, что ни на есть

«низовом звене» интеллигенции – среди школьных учителей, что реформа попросту не прошла.

Нет, ее никто официально не отменял. Власти поступили совершенно в своем духе. О ней просто забыли, и она тихо и спокойно умерла.

И слава Богу. Дети войны – сыновья победителей – сумели отстоять чистоту русского языка. И эта победа, пожалуй, не менее важна, чем одержали их отцы и деды на полях сражений.

Ученые всегда удивлялись: как удалось сплотить в единую общность такое сложное разноплеменное и разноязыкое образование, как китайский народ? Китай – уникальное государственное образование, имеющее общую письменность, но фактически не имеющее общего языка.

***

Китайская иероглифическая письменность – исключительное явление, поскольку иероглифы обозначают целые понятия, а не буквы или слоги, как в других языках. Японцы взяли у китайцев их письменность целиком, как они взяли большинство других явлений китайской культуры, среди которых такие известные всем, как бумага и боевые единоборства. Именно поэтому в Китае было несколько пренебрежительное отношение к Японии – приблизительно такое, как у древних греков к завоевателям римлянам – варварам, захватившим и поработившим – именно поработившим, то есть использовавшим исключительно для себя все достижения великой греческой культуры – почти так же, как сегодня это делают американцы, пытаясь «освоить» мировую классику.

Японское название боевых искусств, например, так раньше и переводилось – «каратэ». Кара – древнее название Китая. Когда отношение у японцев к Поднебесной стало напряженным, японцы просто изменили название борьбы: заменили первый иероглиф на другой, звучащий тоже как «кара», но обозначающий понятие «пусто». Почти как у нас – «пустые» или «голые руки» – самооборона без оружия.

Справедливости ради надо отметить, что создатель самбо – Василий Ощепков, получивший черный пояс из рук самого Дзигаро Кано, поступил точно так же со своей школой борьбы, переименовав ее после русско-японской войны из «дзиу-до» в «борьбу вольного стиля», которую Анатолий Харлампиев затем назвал «самбо».

Как же китайцам удалось сохранить столь сложную письменность в разноплеменной государственной общности? Чисто восточным деспотическим методом: всем писцам, которые пользовались другим, характерным для них, стилем письма, просто вырезались коленные чашечки.

Таким образом китайские власти заботились о сохранении фундамента родной культуры.

Так что не всякая простота – от Бога. Ученые доказали: при прочтении современных газет типа «Аргументов и фактов» у читателя выпадает из памяти до 80% информации. Как говорится: ни уму – ни сердцу.

Тем не менее, с упорством, достойным лучшего применения, отечественная пресса берет на вооружение пришедший к нам с Запада так называемый «чисто информационный подход».

Я решил подтвердить свои смутные подозрения и специально проконсультировался с психологом Ириной Медведевой: можно ли считать этот западный принцип одним из способов оглушения масс (да и самих журналистов, кстати, тоже)? Да, ответила Ирина Яковлевна, безусловно – здесь и попытка отучить читателя думать и анализировать, и разрушение традиционной иерархии ценностей.

Когда журналисту, пишущему о демонстрации сексуальных меньшинств, запрещают давать свою оценку данному явлению – это, дескать, навязывание своей точки зрения – наверное, не нужно объяснять, как это скажется на моральном и интеллектуальном состоянии общества.

Любопытно: когда происходит ломка привычного общественного уклада, это отражается на самих основах жизни – вплоть до языка. Стоит общественному мнению в очередной раз повернуться к так называемым «демократическим ценностям», как сразу же возникают дебаты о необходимости реформ в важнейших отраслях жизнедеятельности – включая, пардон, постель. Как нам пришлось убедиться, ничего, кроме упрощения и опошления, такие реформы нам не приносят. И наоборот – только лишь наметится хоть какая-то стабилизация – в обществе начинают преобладать охранительные – консервативные тенденции.

Революция вызвала попытки коренной модернизации языка – вплоть до алфавита. Известный советский ученый – товарищ Я. Марр прямо говорил, что язык должен меняться вслед за общественным строем. Более того: язык послереволюционный – это, дескать, уже не тот русский язык, которым пользовались при царе.

Создатель новой Советской империи – товарищ Сталин вовремя одернул зарвавшихся реформаторов. Напомнил, что язык – коренное отличие человека от животных и не может меняться вслед за сменой общественной формации. И это тот случай, когда вождь народов был как никогда прав.

Поэтому когда в связи с очередной волной новообновленческих тенденций заводятся разговоры о замене богослужебного церковнославянского языка на современный русский, стоит задуматься. Не станет ли этот шаг выхолащиванием самого смысла Богослужения и заменой его мертвой, лишенной духа оболочкой?

Ведь даже светские произведения при переводе часто утрачивают если не смысл, то, по крайней мере – тот неповторимый аромат, который придает им своеобразие.

Возьмем, к примеру, одну фразу из «Слова о полку Игореве»: «О русская земля! Уже за шеломянем еси!» и ее русский перевод: «О русская земля! Уже ты за холмом!» Здесь слово «шеломьянь» – «шелом» вызывает совершенно определенную ассоциацию – шлем русского воина, по форме действительно напоминающий холм – или купол Церкви. Перевод этого словосочетания на современный русский, хотя по своему и красив, все-таки здорово «принижает» фразу, лишает ее поэтического смысла.

***

Тем более это относится к Богослужебным текстам. Позвольте цитату из Апокалипсиса: «Знаю твои дела, ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но так как ты тепл, а не горяч и холоден, то извергну (в оригинале – „изблюю“) тебя из уст Моих.» (Откр 3: 15—16).

На первый взгляд, церковнославянский текст Откровения Иоанна Богослова не очень-то литературен. «Извергну» звучит гораздо более благопристойно и менее режет слух. Однако «немудрое Божие премудрее человеков». Верующий соединяется с Богом в Таинстве Причастия, принимая Христа внутрь себя («ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, во Мне прибывает, и Аз в нем»), так что слово «изблюю» имеет свой сокровенный (или, как любят говорить господа эзотерики-демократы, сакральный, что по сути одно и то же) смысл.

Попробуйте, например, перевести на русский язык фразу из молитв ко Причащению: «Хлеб, Христе, взяти не презри мя, Тело Твое...» Не то что язык – мозги поначалу ломаются, отказываясь принять непривычную для восприятия речь. Это не просто другой язык – это иной образ мышления. Который, прежде чем реформировать и уж тем более требовать замены, хорошо было бы изучить.

На одной из встреч о. Артемию Владимирову был задан вопрос: «Почему Православная Церковь не поощряет молиться своими словами, А заставляет заучивать тексты на малознакомом мертвом языке?»

Ответ: «А один человек уже молился своими словами: «Благодарю Тебя, Господи, что я не таков, как прочие люди – мытари, прелюбодеи и грешники или как вон тот мытарь».

Церковь не только разрешает, но и поощряет молиться своими словами, по слову апостола Павла: «Лучше пять слов сказать своим умом, нежели сто языком...», но для этого для начала не мешало хотя бы знать, о чем молиться.

Сегодня насильственная украинизация по сути сводится к одному – чтобы украинский язык как можно менее походил на русский. Не только официальный украинский, но даже богослужебный язык в так называемой «Украинской православной церкви Киевского патриархата» настолько украинизирован, что становится непонятным для всех, кроме самих «самостийников» (и во вики виков»).

Язык – живой организм, и развивается по своим, Богом определенным, законам. Попытки создания искусственного языка – эсперанто ни к чему хорошему не привели. Ученые всего мира предпочитают пользоваться латынью. Уж лучше мертвый язык, чем искусственный.

Так что говорите правильно. Будьте патриотами. Заботьтесь о сохранении родной культуры. Не надо поддаваться общей тенденции упрощения и опошления.

Увы, опубликовать и эту статью в наших «демократичных» средствах массовой информации оказалось невозможно. В одной демо-патриотической газете, носящей в своем заголовке гордый эпитет «славянский», автору было заявлено: «Вы русский шовинист!» Вот так!

О замене богослужебного языка на современный русский

Проблема перевода богослужебных текстов на современный русский язык является во многом надуманной, так как то, что в годы советской власти стали стыдливо именовать церковнославянским, и есть настоящий русский литературный, а во многом и разговорный язык, которым пользовались наши предки.

Да, Ломоносов ратовал за упрощение русского языка, но сегодня сам Ломоносов для многих нуждается в переводе. Хотя умный человек скорее назвал бы это не переводом, а разъяснением. Необходимо читать что-то еще, кроме Улицкой! Давайте тогда и Ломоносова переводить, и Державина!

Да, язык меняется, и увы, большей частью не в лучшую сторону. Под влиянием маргинальной части населения язык, в том числе и интеллигенции, в значительной степени впитал в себя традиции уголовного сленга. Иные необновленцы вообще молится не «о благоустройении воздухов», а «о хорошей погоде»! Что, станем вслед за ними станем просить «хлеб наш насущный дай нам В НАТУРЕ» или ещё что-нибудь в этом духе?

***

Беда ещё и в том, что некоторые понятия с церковнославянского языка, который для наших предков являлся и литературным, и в какой-то степени разговорным, то есть является ИЗНАЧАЛЬНО РУССКИМ языком, на современный русский – язык апостасийный, отступнический от Бога – перевести просто невозможно! Невозможно сказать и уж тем более – объяснить современному человеку, что такое ЕДИНОСУЩНЫЙ, если он это не воспринимает в богословских терминах! Почему об этом не хотят говорить и даже думать сторонники перевода богослужебных текстов на русский язык? Подробнее см «Идеократия»

<https://www.proza.ru/2015/12/02/1509>

****

Сегодня ведётся много разговоров о замене церковнославянского языка в богослужении на современный русский... Церковнославянский язык не столь труден, как кажется. Ведь то, что мы называем сегодня церковнославянским и было на самом деле русским – славянским литературным языком (см

Идеократия <https://www.proza.ru/2015/12/02/1509>) Лично я поступал так: когда читал Евангелие или Псалтырь на церковнославянском, клал перед собой современный русский перевод. Прочитаешь часть псалма по старорусски, потом читаешь современный текст. Со временем понял, что древнерусский намного красивее, а главное – точнее, чем современный искаженный – упрощённый и опошленный вариант русского. (см об этом в статье) А со временем освоил церковнославянский так, что стал пытаться писать на нём Уж не знаю, насколько удачно... см —

<https://www.stihi.ru/avtor/igorchkramov> Не так всё сложно, как кажется поначалу...

<https://www.proza.ru/2015/12/02/1544>

***

Впрочем, этот процесс – я имею в виду упрощение опошление – затронул не только словобразование, но и зрелищные искусства. Причем в самом их «святая святых» – изображении. Оно стало таким же хаотичным, бессмысленным, безобразным и бесформенным, как и все современное сознание. Я хотел написать «клиповым», но не хочу оскорблять рекламу, в которой сегодня действительно сосредоточены самые лучшие и профессиональные силы. Сбылось предсказание одного рекламного гуру, который предсказал, что в конце 20 века из всех искусств самым интересным будет реклама. Она действительно захватывает гораздо больше любых других телезрелищ. И – как ни странно – самым осмысленным.

****

Рискуя показаться банальным, повторюсь: почти все остальное на нашем телевидении смотреть не просто скучно – просто невозможно. Чисто физически. Бездарность работы телевизионщиков попросту режет глаз. Даже самые интересные шоу – концерты, танцы, фигурное катание вызывают раздражение из-за плохой работы режиссеров и операторов. Показывают одни и те же части тела, в основном, пардон, филейные – похоже, оператору просто не приходит в голову, что зрителя может интересовать что-то еще.

***

И если в работе операторов попадаются отдельные удачи – видимо, остались еще старые кадры, которые ничего другого, кроме как снимать, не умеют, и, слава Богу, еще не пере-квалифицировались в уличных продавцов, то работа видеорежиссеров просто вызывает тихий ужас. Видно, что они не следят за картинкой, а просто хаотично тыкают кнопками, меняя кадры на мониторе и даже не стараясь придать смене кадров хоть сколько-то осмысленный вид, видимо честно не пытаясь делать то, чего они в принципе не умеют и к чему не имеют ни малейшей склонности. Думаю, не ошибусь, если поставлю сто против одного, что этих бравых режиссеров набрали на работу по благу.

***

Такое вот кусочное мировосприятие довольно типично для нашей образованщины и обусловлено отсутствием цельного мировоззрения, которое только одно и способно придать смысл происходящему в окружающем мире. Наша власть – идеократия (а сюда следовало бы отнести и творческую тусовку, как один из важнейших придатков власти) гибнет от того, что не может ответить на извечный вопрос о смысле жизни: а зачем это все? Зачем живем?

Кое-кому, впрочем, похоже, этот вопрос, просто не приходит в голову. Живем – ради себя самих. И по мере возможности стараемся придать этому некий глубокий смысл. Особенно в собственных глазах.

***

Отсюда – склонность к медитативным видам творчества, творчеству ради себя самого, «искусству ради искусства». «Святая к музыке любовь».

В литературе это приводит к опусам типа Пелевина, в музыке – к джазовым импровизациям и абсолютно лишенным смысла «рок-композициям», в изобразительном искусстве – к различным абстрактным построениям и схемам.

Любые попытки разобраться с источником подобного вдохновения: а в чем смысл подобных творческих упражнений – вызывают благородное возмущение – да как вы смеете! Смысл высокого искусства, как известно каждому мыслящему человеку – в нем самом!

***

Один из ярчайших ее представителей – кстати, довольно известный в Саратове художник и преподаватель, основоположник творческой школы, с которым мы «схлестнулись» в споре об авангарде и в частности – о творчестве Казимира Малевича, на мой вопрос о том, на какого зрителя, кроме крайне узкого круга известных всем единомышленников, рассчитаны его картины, возмущенно вспыхнул: да разве пишут – для зрителя? Настоящий художник пишет – Богу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.